

HARLEQUIN®

028



TM

Луиза Аллен

**ЗАПРЕТНАЯ
ДРАГОЦЕННОСТЬ**

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Луиза Аллен
Запретная драгоценность
Серия «Исторический роман
– Harlequin», книга 28

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6085363

*Луиза Аллен «Запретная драгоценность». Серия «Исторический роман»: ЗАО Издательство Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04510-2*

Аннотация

Красавица Ануша Лоуренс – дочь английского лорда и губернатора Калькутты, сэра Джорджа Лоуренса, сердилась на отца за то, что он отправил ее вместе с матерью жить к дяде. Ее мать умерла от тоски. Спустя двенадцать лет отец вознамерился найти для дочери подходящего жениха и прислал за Анушей своего помощника, красавца майора Николаса Хериарда. Мисс Лоуренс вовсе не жаждала выйти замуж, она помнила, сколько горя принесла любовь ее матери. Майор тоже не собирался жениться после первого неудачного брака. В опасном путешествии Ник Хериард проявлял чудеса отваги и благородства, Ануша просто не могла не влюбиться в него, но была уверена, что он не отвечает ей взаимностью...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	51
Глава 5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Луиза Аллен

Запретная драгоценность

Глава 1

*Калатвахский дворец, Раджастхан, Индия,
март 1788 г.*

Солнечные лучи, радуя глаз после многих миль пыльной дороги, проникали сквозь ажурные узоры каменной стены и покрывали белый мраморный пол причудливыми переплетениями света и тени. Майор Николас Хериард на ходу размял плечи, сбрасывая усталость долгого путешествия. Ванна, массаж, чистая одежда – и он снова почувствует себя человеком.

Послышался тихий топот и еле слышный стук когтей по мрамору. Привычным движением выхватывая из-за голенища нож, майор резко развернулся и присел в ожидании атаки.

Но вместо врага из арочного входа выскочил мангуст и сердито застрекотал, всем своим видом демонстрируя раздражение: шерсть вздыблена, хвост ершиком.

– Мерзкий зверь, – выругался Ник на хинди.

Топот стал громче, и вслед за мангустом появилась де-

вочка. Взметнув широкие красные юбки, она резко остановилась, едва не потеряв равновесие, и замерла. Не девочка – молодая женщина, с открытым лицом и без сопровождающих. Какая-то часть его сознания все же проанализировала звук ее шагов: прежде чем вбежать сюда, она дважды меняла направление, следовательно, воспользовалась одним из сторонних ходов в занану, женскую половину дворца.

Именно там, в женских покоях, а не здесь ей надлежало находиться. Ему и вовсе не подобает таращиться на нее, стоя на изготовку с оружием в руке.

– Можете убрать кинжал, – сказала девушка. Ник не сразу понял, что она говорит по-английски, хотя и с легким акцентом. – Мы с Тави не вооружены. Не считая зубов, – добавила она и, растянув рот в улыбке, показала ровные белые зубы. Должно быть, за насмешкой она скрывала потрясение. Меж ее босых, раскрашенных хной ног вился мангуст и что-то недовольно ворчал. Его шею украшал воротник с драгоценными камнями.

Ник наконец овладел собой и вернул кинжал в ножны. Выпрямился, сложив руки.

– Намасте.¹

– Намасте.

Темно-серые глаза внимательно изучали его. Шок, казалось, перешел в подозрительность на грани враждебности. Она даже не пыталась скрыть свои чувства.

¹ Намасте – уважительное приветствие в Индии.

Серые глаза? И медово-золотистая кожа. А в толстой косе, лежащей вдоль спины, заметны каштановые и почти черные прядки. Искомая цель, кажется, сама его отыскала.

Девушка, похоже, ничуть не смущена своим присутствием здесь, с открытым лицом, обществом незнакомца. Стоит и рассматривает его.

Алая пышная юбка, утяжеленная серебряной вышивкой, доходила ей почти до щиколоток, под ней виднелись узкие брючки. Облегающая блузка-чоли не просто открывала восхитительно-изящные, женственные руки, униженные серебряными браслетами, но еще и не доходила до талии, демонстрируя полоску гладкой золотистой кожи.

– Мне пора уходить. Простите, что потревожил вас, – по-английски произнес Ник. Ему в голову пришла мысль, что, похоже, из них двоих неловкость испытывает именно он.

– Вам не обязательно уходить, – просто ответила она, затем повернулась и удалилась тем же путем, что и вошла. – За мной, Тави, – на хинди позвала она и, махнув юбкой-ле-хенгой, скрылась из вида. Мангуст послушно последовал за ней, тихо щелкая по полу коготками.

– Черт, – выругался Ник, глядя в опустевший проход. – Она определенно дочь своего отца.

Простое поручение внезапно превратилось в нечто совсем иное. Он выпрямился и зашагал к своим покоям. Какой из него майор Ост-Индской компании, если смущается ехидства женщины, пусть и очень красивой. Необходимо смыть

дорожную грязь и испросить аудиенции у раджи, родного дяди этой особы. После этого ему предстоит провезти мисс Анушу Лоуренс через всю Индию, в целости и сохранности доставить ее к отцу.

– Парави! Скорее!

Ануша влетела в комнату в облаке шелка юбок и шарфа.

– Говори на хинди, – неодобрительно отозвалась та.

– Maaf kijiye,² – извинилась девушка. – Я только что разговаривала с англичанином и не успела переключиться. Мой разум по-прежнему продолжает переводить.

– Angrezi?³ Как тебе в голову пришло говорить с женщиной, тем более angrezi? – Парави, пухлая медлительная женщина, третья жена ее дяди, подняла тонкую бровь, отодвинула шахматную доску и поднялась.

– Я только что наткнулась на него в коридоре, когда गया за Тави. Очень высокий, с золотистыми волосами, в английском красном мундире. Должно быть, офицер, у него на груди много золотых наград. Сходи посмотри на него.

– Да что с тобой? Неужели он действительно так красив, этот твой большой angrezi?

– Не знаю, – призналась Ануша. – Я никогда не видела их так близко с тех пор, как покинула дом отца.

Однако ей было любопытно и, непонятно почему, тоскли-

² Извини (хинди).

³ Англичанин (хинди).

во. Из глубин памяти всплыли воспоминания о мужском голосе, говорившем по-английски, о высоком мужчине, который подхватывал ее на руки, смеялся и играл с ней. «О том, кто отверг меня и мою мать», – напредила она себе, и воспоминания рассеялись.

– Он не такой, как другие мужчины, которых я привыкла видеть, я не могу определить, красивый он или нет. У него светлые волосы, стянутые сзади в косичку, и зеленые глаза. И он вот такого роста. – Она показала руками. – Просто огромный, такие широкие плечи и длинные ноги.

– Он совсем белый? – заинтересовалась Парави. – Я видела *angrezi*, хотя это было очень давно.

– Лицо и руки у него золотистые. – «Как у моего отца». – Правда, кожа европейцев всегда на солнце темнеет. В остальном он наверняка белый.

Ануша представила внове прибывшего англичанина целиком и испытала приятную дрожь, которой тот явно не заслуживал. Но в закрытом мире зананы ценились любые новости. Даже те, которые вызвали тревожные напоминания о внешнем мире. Чувственное покаявание потерялось в нахлынувшей волне предчувствия. Ей стало не по себе.

– И куда он отправился? – Парави выбралась из кучи подушек. Мангуст тут же занял тепленькое местечко и свернулся клубком. – Интересно посмотреть на мужчину, вызвавшего на твоём лице столько разных выражений.

– В гостевое крыло, куда же еще? – Ануша с трудом удерж-

жалась от резкости. Ее не прельщали отразившиеся на лице чувства. — Он весь в пыли и вряд ли станет искать аудиенции дяди в таком виде. — Она заставила себя встряхнуться и прогнать глупые фантазии. — Пойдем на западную террасу.

Она двинулась по знакомому лабиринту переходов, комнат и галерей западного крыла дворца.

— Дупатта!⁴ — прошипела подруга, когда они вышли на широкую террасу, где иногда сживал сам раджа, наслаждаясь закатом. — Здесь нет решеток.

Ануша раздраженно прищелкнула языком, тем не менее размотала с шеи и накинула на голову вишневую полупрозрачную ткань, скрывая лицо до самого подбородка. Потом оперлась локтями о внутреннюю балюстраду и окинула взглядом раскинувшийся внизу дворик.

— Он там, — прошептала она.

Внизу, на краю сада, на персидский манер изобилующего ручьями, высокий большой *angrezi* разговаривал с незнакомым худощавым индусом. Его камердинером, без сомнения. Мужчина жестом показал на дверь.

— Он рассказывает, где находится комната омовений, — прошептала Парави из-за своей золотистой дупатты. — У тебя есть шанс проверить, действительно ли этот англичанин белокожий.

— Смешно и неприлично, — уловив тихий смешок Парави, надулась Ануша. — Кроме того, он меня совершенно не инте-

⁴ Дупатта — длинный индийский шарф, которым закрывают шею и голову.

ресует. – На самом деле ее непонятно почему снедало жгучее любопытство. Мужчины скрылись в гостевых покоях, выходящих в сад. – Полагаю, мне лучше проследить, достаточно ли у них слуг и горячей воды.

Парави прислонилась округлым бедром к парапету, разглядывая стайку зеленых попугайчиков, что носились над ними с пронзительными криками.

– Интересно, может, он важная птица? Он же из компании, а они теперь властители мира, как говорит мой муж. Важнее самого короля, хоть и чеканят его профиль на своих монетах. Я вот думаю, может, его прислали к нам официальным представителем? Муж вчера и словом не обмолвился о его приезде.

Ануша оперлась локтями о парапет и заметила, что дядя явно благоволит своей третьей жене.

– А зачем у нас их представитель? Мы ведь почти ничем с ними не торгуем.

Незнакомец вновь появился из гостевых покоев.

– Мы удобно расположены для экспансии – *mata*⁵ всегда так говорила. Хорошее стратегическое положение.

Мать рассказывала Ануше о многом. Кроме того, обе были начитанны, и брат матери – раджа – часто удовлетворял их любопытство.

– Хотя твой отец и не бывает здесь, он по-прежнему друг моего мужа, они переписываются. Он большой человек в

⁵ Мать (*хинди*).

компании, наверняка решил, что мы приобрели более значимый статус, который предписывает иметь своего представителя.

— Должно быть, действительно, что-то очень важное, коль скоро он потрудился о нас подумать, — отозвалась Ануша.

Отец ни разу не приезжал в Калатвах после того, как отослал в Индию свою двенадцатилетнюю дочь и ее мать, отказав им, по прибытии своей английской жены, от дома и вычеркнув из сердца.

Он присылал им деньги, но и только. Когда Ануша отказалась их тратить, дядя присовокупил эти деньги к ее приданому, заявив, что она глупая девчонка и отец поступил правильно, когда отослал их. Дескать, сэр Джордж человек чести и добрый друг Калатваха. Правда, последнее утверждение — мужской разговор — относилось к политике, а не любви, разбившей сердце ее матери, хотя та соглашалась со своим братом в том, что иного выбора не было.

Девушка знала, что отец переписывается с дядей, тот общал об этом, едва получал весточку. Последняя была год назад, когда умерла мать Ануши. Она не стала читать послание, как, впрочем, и все предыдущие. Завидев на конверте имя отца, отправила письмо в огонь и проследила, чтобы оно сгорело дотла.

Парави бросала на нее сочувствующие взгляды. Ануше это не нравилось. Кто смеет ее жалеть? Она же избалованная племянница самого раджи Калатваха, двадцати двух лет от

роду, и наделена правом отвергнуть любое предложение руки и сердца! Все ее желания беспрекословно выполняются, она получает самые лучшие наряды и драгоценности, любых слуг! Что угодно!

«Кроме понимания, кто ты, – ворчливо звучал в ее в голове тихий голос, по какой-то причине всегда говоривший по-английски. – Кто и откуда, каково твое будущее. Все, кроме свободы».

– Angrezi идет принимать омовения. – Парави попятилась и вытянула шею, чтобы лучше видеть. – Какой прекрасный халат! И волосы длинные, когда расплетены, – добавила она. – Какая кожа! Цветом напоминает скакуна, которого муж послал махарадже Алтафуру по случаю окончания муссона. Они называли коня Позолоченный.

– Наверняка он, подобно тому животному, столь же высокого мнения о себе, – заметила Ануша. – Но этот по крайней мере моется. Знаешь, сколько из них этого не делают? Считают вредным для здоровья! Отец рассказывал, у них в Европе не принято мыть волосы, они натирают их пудрой, а моют только руки и лицо. По их мнению, вода вредна.

– Тьфу ты! Лучше погляди и скажи, что ты о нем думаешь. – Парави легонько толкнула ее. – Мне самой любопытно, но мужу не понравится, если я стану разглядывать angrezi без одежды.

«Он бы и меня отругал, узнай о таких намерениях», – на бегу размышляла Ануша. Она промчалась по узкой лестни-

це и коридору, не совсем уверенная, что хочет ближе под-
браться к незнакомцу. Ею двигало отнюдь не желание при-
влечь внимание, даже несмотря на сладкую дрожь, вполне
естественную женскую реакцию на мужское начало. Нет, де-
ло совсем не в этом. Она не хотела, чтобы эти зеленые гла-
за изучали ее. Казалось, они видели слишком многое. В мо-
мент встречи между ней и незнакомцем возникло какое-то
инстинктивное понимание. Возможно, и что-то еще, более
древнее, некая аура.

Ануша оставила сандалии у двери и осторожно загляну-
ла в комнату омовений. Англичанин уже обнажился и лежал
лицом вниз на мраморном помосте, покрытом льняной про-
стыней. На коже блестели капельки воды. Он упирался лбом
в соединенные руки, а служанка Майя втирала ему в волосы
смесь растертого нута, сока лайма и яичных желтков. Другая
служанка, Савита, склонялась над его ногами, втирая масло
и как следует массируя мышцы. С головы до пят прекрасный
образец мужской красоты во всех ее проявлениях!

Кивнув девушкам молча продолжать работу, Ануша пере-
ступила порог. Шея англичанина была того же оттенка, что и
лицо, и руки, сейчас полускрытые мокрыми волосами. Спи-
на и плечи напоминали цветом белое золото. Ноги светлее, а
ниже колен совсем белые с розоватым отливом. Четко про-
сматривалась полоса, где застегивался ремень, а ягодицы со-
вершенно белые.

Она заметила, что руки и ноги незнакомца покрыты жест-

кими волосками, более темными, чем его льняная шевелюра. Интересно, грудь тоже волосатая? Девушка слышала, что некоторые англичане волосатые, а спины и вовсе как звериные шкуры. Наверное, медвежьи. Она сморщила нос от отвращения, потом осознала, что стоит совсем рядом с помостом. Интересно, какова его кожа на ощупь?

Ануша потянулась за маслом, налила немного в ладони и положила руки ему на спину, прямо на лопатки. Ощутила, как напряглись его мускулы и он вздрогнул от прикосновения холодной жидкости. Потом снова расслабился, она медленно провела руками по всей спине до талии.

Девушка поняла, что светлая кожа на ощупь такая же, как и любая другая. А мускулы ее потрясли. Не то чтобы ей было с чем сравнивать. Никогда прежде она не прикасалась к обнаженному мужскому телу.

Майя принялась ополаскивать незнакомцу волосы, поливая над чашей из медного кувшина. Савита спустилась ниже и стала разминать пальцами его голени. Ануша застыла, не понимая, почему не хочет убирать руки с его спины. А продолжать мешало чувство неловкости и смущения от прикосновения к мужчине.

И когда он заговорил, она ладонями ощутила его глубокий голос:

– Могу я надеяться на то, что ты присоединишься ко мне в спальне?

Ник ощутил движение воздуха и услышал тихое шлепанье босых ног. Еще одна девушка. Такой почетный прием станет отличным залогом его миссии. Умелые пальцы предыдущей девушки так хорошо массировали ему голову, что он едва удерживался от желания замурлыкать, а расслабление натруженных ног приносило почти блаженство. Новоприбывшая пахла сандаловым маслом, лаймом и слегка жасмином. Где-то он уже осязал подобный аромат.

Смазанные несогретым маслом руки легли ему на спину и замерли. В сравнении с двумя предыдущими этой девушке либо не доставало мастерства, либо она слишком волновалась. Когда его разум наконец определил аромат, руки заскользили вниз по спине и остановились на талии.

– Могу я надеяться на то, что ты присоединишься ко мне в спальне? – произнес Ник уже по-английски. Как он и ожидал, уверенные руки, массиравшие ему ноги и голову, не сбились с плавного ритма, зато пальцы на талии впились в кожу. – Я попрошу прицепить к потолочным крюкам кровати цепи, и мы знатно покачаемся.

Он услышал резкий выдох, и ногти на мгновение впились в его тело еще сильнее, после чего девушка убрала руки.

– Просто удивительно, как хорошо здесь понимают по-английски! Даже девушки из комнаты омовений, – добавил он, демонстрируя, что знает, кто она. Услышал, как девушка тихо сквозь зубы втянула воздух, потом прошелестела одежда, кожи коснулось движение воздуха, и все исчезло. Она ушла.

Ник осознал, что часто и тяжело дышит, и заставил себя расслабиться. Если он и чувствовал возбуждение, то только потому, что лежал абсолютно голый и его массировали очень умелые руки. Дочь Джорджа не имеет к этому никакого отношения. Эта маленькая ведьмочка, несомненно, решила с ним позабавиться, но впредь такой ошибки не допустит. Он выбросил из головы все мысли и погрузился в приятные ощущения.

– Ну и как все было? – Парави хлопнула в ладоши, подзывая служанок. – Сейчас выпьем гранатового сока, и ты мне все о нем расскажешь.

Она склонила голову, и кольцо в носу качнулось, звякнув крошечными золотыми дисками.

– Он просто невозможен. – Ануша плюхнулась на гору подушек и нетерпеливо сорвала с головы шарф. – С закрытыми глазами понял, что это я, и стал провоцировать неприличными предложениями. Или у него глаза на затылке, или он умеет колдовать.

– Ты что, видела его только со спины? – В голосе Парави зазвучало разочарование.

– Он лежал на животе – ему мыли голову и делали массаж.

– Как же он понял, что это ты?

– Понятия не имею. Но он заговорил по-английски, чтобы меня подловить.

Парави прищелкнула языком. Ануша сделала глубокий

вдох и попыталась быть беспристрастной.

– Он не белый, но те места, которые не загорают на солнце, розоватые. Как морда у серой коровы, только бледнее.

– Итак, – Парави потянулась, – он умеет колдовать, кожа у него цвета коровьего носа, и он совсем не дурак. Интересно, хороший ли он любовник?

– Слишком большой, – ответила Ануша с уверенностью женщины, которая перечитала на эту тему все, что могла, и пересмотрела множество подробных картин.

Будущая жена должна иметь хорошую теоретическую подготовку, чтобы знать, как ублажить мужа. Мать следила, чтобы образование дочери было полноценным. Девушка даже порой думала, не в этом ли кроется причина ее нежелания принимать брачные предложения, которых у нее в избытке.

Обладая возможностью выбирать мужа, она, естественно, подходила к этому вопросу очень тщательно. И когда пыталась представить, что занимается любовью с кем-то из кандидатов... Ей с лихвой хватало тех картин, что рисовало живое воображение, чтобы отказывать всем и каждому.

– Слишком большой? – Парави мысленно еще пребывала в комнате омовений. Ее глаза широко раскрылись и глядели с изумлением, природу которого Ануша не распознала.

– Разве может быть чувственным и податливым такой великан? – резонно заметила она. – Настоящий чурбан. Твердый, как бревно.

«Трогать его – все равно что трогать тиковое дерево». В

голове мелькнуло воспоминание, как он молниеносно разворачивается с кинжалом в руке. Но это всего лишь боевое искусство, далекое от утонченного искусства страсти.

– Настоящий чурбан, – повторила за ней тетя и шаловливо улыбнулась. – Надо будет внимательнее присмотреться к этому бревнышку в мужском обличье. – Она жестом подзвала служанку. – Узнай, в котором часу у моего мужа аудиенция с angrezi и в каком зале. – И она повернулась к Ануше, в одну секунду превратившись в настоящую рани:⁶ – Идем в мою ложу.

⁶ Рани – супруга раджи.

Глава 2

Ник переоделся, довольно придирчиво выбирая наряд. Разрешение на аудиенцию не предписывало какую-либо форму одежды. В назначенное время явились стражники, чтобы проводить его к радже. Он спокойно зашагал по коридорам в окружении четырех вооруженных воинов, догадываясь, что прием его ожидает теплый, однако убедиться в этом лично было приятно. Если бы Кират Джасван после смерти сестры пришел к выводу, что Ост-Индская компания больше не представляет интереса, миссия Ника претерпела бы невероятные трудности и опасности.

Если дипломатия окажется бессильна, ему придется силой забирать умную, здоровую и сопротивляющуюся принцессу из тщательно охраняемого дворца посреди королевства ее дяди и тащить за тысячи миль от Дели, уворачиваясь от наступающих на пятки воинов рассерженного раджи. Но он бы предпочел обойтись без этого. Иначе может даже разгореться небольшая война.

А сейчас ему хорошо. Он смыл дорожную грязь, расслабился в ванне и на массаже, даже получил определенное удовольствие, доводя до бешенства даму, которую ему предстояло отсюда увезти. Ее мать умерла, жена ее отца тоже. Так что, если Джордж заберет свою дочь и превратит ее в английскую леди, никому не повредит. Кроме того, существо-

вало множество политических причин, ради которых стоило увезти девушку в Калькутту.

Он переступил порог «Диван-и-Хас», зала личных аудиенций. Боковым зрением заметил мраморные колонны, мужчин в длинных одеждах по одну сторону и знатных вельмож в сафа-тюрбанах – по другую. А еще стражей с церемонно поднятым оружием.

Но Ник не отрывал взгляда от невысокой фигуры в длинных свободных одеждах с золотой вышивкой. Раджа восседал среди подушек на расшитом серебром троне. Оказавшись на расстоянии двух мечей от тронного возвышения, Ник отвесил первый поклон, сознавая, что из-за каменного ограждения балконной ложи слышится шелест шелков и доносится шлейф ароматов. Оттуда за происходящим наблюдали придворные дамы. И особо приближенные позже передадут радже свое мнение о его госте. Интересно, там ли мисс Лоуренс? Он почти не сомневался, что любопытство заставит ее присутствовать.

– Ваше высочество, – по-английски обратился он, – майор Николас Хериард к вашим услугам. От всего сердца благодарю за оказанное гостеприимство. Я прибыл к вам с приветственным словом от губернатора Калькуттского президентства.

Мунши,⁷ во всем белом сидевший у ног раджи, поднял голову от своей конторки и быстро заговорил на хинди. Раджа

⁷ Мунши – почетный секретарь и переводчик.

Кират Джасван ответил ему на том же языке. Ник старательно сохранял на лице бесстрастное выражение.

– Его высочество, владыка Калатваха, защитник священных земель, принц Изумрудного Озера, благословенный Великим господом Шивой. . . – Ник неподвижно стоял на месте, пока мунши по-английски перечислял все титулы раджи, – приказывает вам приблизиться.

Ник шагнул вперед и встретился с угольно-черным пронизывающим взглядом. Над изысканным тюрбаном, украшенным перьями и драгоценностями, со слабым скрипом качнулось опахало.

Раджа заговорил на родном языке.

– Я рад приветствовать друга моего друга Лоуренса, – перевел секретарь. – Вы покидали его в добром здравии?

– Так точно, ваше высочество, хотя и в плохом расположении духа из-за смерти жены. И. . . еще одной потери. Я привез вам подарки и письма от него и от губернатора.

Секретарь перевел его слова.

– Печально слышать о его потере и знать, что его сердце погружено в печаль так же, как и мое из-за смерти моей сестры в прошлом году. Я знаю, он разделяет мои чувства. Нам многое нужно обсудить. – Он махнул рукой, отсылая мунши. – Думаю, у нас нет необходимости в переводчике, – добавил раджа на прекрасном английском языке. – Пойдемте, майор Хериард, поговорим в более удобной обстановке.

Это был приказ, как Ник и надеялся.

– Почту за честь, милорд.

Рани отводилось самое лучшее место в женской ложе. Пока служанки расставляли вокруг низкие столики, уставленные яствами, Ануша удобно устроилась рядом с Парави на куче подушек.

– Нам будет хорошо слышно, – сказала Парави, пока они ожидали прихода раджи. Акустика во всех помещениях была разная. Где-то все звуки намеренно приглушались, где-то, напротив, легко было услышать на большом расстоянии. Здесь же, учитывая возможное желание раджи посоветоваться с любимой женой, обычный разговор легко прослушивался сквозь ажурные стеновые панели.

– Савита говорит, что твой тиковый чурбанчик податлив, как молодой саженец, – ехидно добавила рани. – У него такие мускулы!

Ануша уронила миндаль, который только что взяла с блюда, и стала выискивать его под подушками. Это дало ей хоть какую-то возможность скрыть свои чувства и унять разгулявшееся воображение.

– Правда? Ты меня поражаешь.

– Интересно, читал ли он классические труды, – продолжала Парави. – Он такой сильный и энергичный.

Ануша подавилась орешками. Энергичный?

– И у него очень большой... торс.

Ануша промолчала. Ко всему прочему, она не совсем по-

нимала, что имеет в виду Парави, и подозревала, что тетя ее дразнит. Она притворилась, что разглядывает внизу придворных, вливавшихся в зал пестрой и шумной толпой. Слуги стали переходить от ниши к нише, зажигая лампы с топленным маслом. Стены и потолок, украшенные драгоценными камнями и крошечными зеркальцами, словно вспыхнули переливчатыми созвездиями.

Из внутреннего дворика слышалось, как музыканты настраивают свои инструменты. Все было красиво и знакомо, но Ануша все равно чувствовала какую-то тоску, распознав в ней одиночество.

Как можно его испытывать, если она никогда не остается одна? Как можно ощущать себя чужой в мире, который последние десять лет был ее собственным, да еще и в окружении родных своей матери?

Из толпы вышел дядя и занял свое место на троне. Он жестом приказал придворным садиться и затем сделал знак подойти. Мимо прошествовала высокая фигура в длинном шервани⁸ из золотисто-зеленой парчи, в зеленых же шароварах и остановилась у самых ступенек трона. Ануша не могла определить, кто это, пока в полосу света не попали рассыпавшиеся по плечам бледно-золотистые волосы. Гость склонил голову и приложил к груди сложенную в горсть ладонь в изысканном выражении почтения. Когда он выпрямился, она заметила, как у него в ухе блеснула сережка с изумрудом.

⁸ Шервани – узкий сюртук со стоячим воротником и пуговицами на груди.

– Смотри! – шепнула она Парави. – Ты только посмотри на него!

Придворный костюм мог бы придать майору более привычный, индийский вид. Но нет, шелк и парча, строгий по-крой длинного шервани и блестящие драгоценности лишь придавали их обладателю экзотичности, подчеркивая светлые волосы, широкие плечи и золотистую кожу.

– Да я уж смотрю!

Раджа нетерпеливым жестом отдал приказ слугам, те подняли с изножья трона подушки и перенесли их по правую сторону, рядом с конторкой мунши.

– Пойдемте, майор Хериард, – повторил Кират Джасван.

– Почту за честь, милорд, – донеслось на правильном хинди, без малейшего акцента.

Высокий англичанин с непринужденностью индуса скрестил ноги и опустился на подушки. Раджа положил руку ему на плечо и, наклонившись, что-то произнес.

– Я ничего не слышу, – пожаловалась Парави. – Но уже принесли кушанья. Они не могут есть и шептаться одновременно.

И действительно, когда ассортимент небольших блюд предложили радже, а тот в свою очередь – *angrezi*, эти двое перестали шептаться и выпрямились. Но, к разочарованию Ануши, они беседовали о пустяках.

Девушка рассеянно поглощала пищу и смотрела на обладателя светлых волос, изредка успевая заметить его про-

филь, когда тот поворачивал голову, чтобы ответить ее дяде. Его речь текла гладко, без запинок, как у человека, который не только хорошо знает хинди, но и постоянно, изо дня в день, практикуется в нем. Как, он сказал, его зовут? Хериард? Странное имя. Она попробовала его беззвучно произнести.

Наконец кушанья унесли и подали душистую воду, чтобы помыть руки, и полотенце. Затем принесли большой серебряный кальян с дополнительным мундштуком для гостя. Заиграла музыка, и мужчины немного расслабились.

– Они явно обсуждают что-то важное, – заявила Парави. – Смотри, как прикрывают рты мундштуками, чтобы никто не смог прочесть по губам.

– Зачем так беспокоиться? Здесь же никого нет, кроме придворных.

Рани быстро огляделась, дабы убедиться, что их не подслушивают.

– Здесь есть и шпионы, – сообщила она и с кажущейся небрежностью подняла руку, чтобы прикрыть губы. – У махараджи Алтафура есть при дворе свои люди, и среди слуг тоже могут быть его наемники.

– Разве Алтафур враг? – удивилась Ануша и извернулась, чтобы посмотреть на тетю. – Но ведь дядя одобрил его брачное предложение мне, а когда я отказалась, послал ему отличного коня. Он ничего не говорил ни о какой вражде.

– Намного безопаснее притвориться, что ты дружишь с

тигром, живущим в твоём саду, чем дать ему понять, будто тебе известно, какие у него зубы. Мой муж не допустил бы подобного союза, даже если бы ты согласилась; когда же ты отказалась, он представил это женским капризом, а не оскорбительным щелчком по носу со стороны правителя.

– Но почему он враг?

– Наша провинция маленькая, но довольно богатая. Много чем можно поживиться. Кроме того, как ты сама сказала, мы находимся в зоне интересов Ост-Индской компании, и они будут вести переговоры с любым, кто взойдет на трон.

Парави говорила спокойно, но Ануша чувствовала, что за ее словами таится нечто большее. В ее тоне слышался отголосок страха. Ануша осознала, что та далеко не все ей рассказывает. Даже подруга носит маску. Никто ей не доверяет. Хотя скорее они просто не принимают ее всерьез. Ну кто она – племянница, в чьих жилах течет английская кровь.

– Значит, будет война?

Их провинция пребывала в мире почти семьдесят лет. Но придворные поэты и музыканты перелагали истории о давних битвах, ужасных поражениях и славных победах. О воинах в золотистых одеждах, идущих в бой, чтобы умереть, и женщинах, бросающихся в погребальные костры, чтобы совершить джаухар, ритуальное самосожжение, – лишь бы не оказаться в руках завоевателя. Ануша содрогнулась. Она предпочла бы умереть в бою, а не сгореть заживо.

– Конечно нет, – с уверенностью ответила рани, но Ануша

не поверила. – Если мы будем союзниками Компании, она защитит нас.

– Защитит.

Девушка сочла за благо согласиться и посмотрела вниз, на англичанина, склонившего голову, слушая раджу. Потом он поднял лицо, встретился глазами с правителем и вдруг стал яростно что-то доказывать, для убедительности рассекая рукой воздух. Ануша не поняла, что означает этот жест, но видела напряженное выражение лица золотоволосого мужчины.

Придворные отступили назад, освобождая место для танцевального выступления. Позванивая серебряными колокольчиками ножных браслетов, в зал вбежали танцовщицы и закружились в великолепно слаженном танце. Они так умело скидывали свои яркие широкие юбки, что казалось, взрываются фейерверки. Но мужчины не удостоили даже взглядом это прекрасное зрелище, и Анушу посетило неприятное предчувствие.

Обеспокоенная и растревоженная, она отправилась к себе в спальню. В голове крутились разные мысли о возможных неприятностях из-за выходки в комнате омовений. Она действительно перешла все границы.

– Ануша.

В спальню зашла Парави и серьезно посмотрела на племянницу, листавшую какую-то книгу.

– В чем дело? – Ануша опустила книгу и отбросила назад волосы, которые тут же рассыпались по плечам.

– Мой муж желает с тобой поговорить. Лично и наедине. Он ждет тебя в моих покоях.

Ануша осознала, что в спальне нет ни одной горничной, ни Парави, ни ее собственной. Она поднялась с низкой кушетки, сунула ноги в сандалии и последовала за тетей, раздумывая о причинах приглашения.

Войдя, она увидела, что дядя один, без свиты. Его лицо освещал лишь тусклый свет небольших ламп на низеньком столике неподалеку. Ануша сделала реверанс и выжидающе замерла, удивляясь, почему Парави закрыла свое лицо шарфом.

– Майор Хериард здесь, чтобы исполнить поручение твоего отца, – сообщил Кират Джасван без всяких предисловий. – Отец беспокоится о тебе.

«Отец»! У нее бешено забилося сердце, она испытала что-то сродни страху. Что ему могло от нее понадобиться? Но тут она осознала, что именно сказал раджа.

– Здесь?

Из сумрака выступил высокий мужчина и без улыбки поклонился. Он по-прежнему был в своем индийском наряде. Тусклый свет играл на изумрудной сережке, серебряной вышивке и блестящих пуговицах шервани. Он выглядел очень необычно и одновременно естественно, как в своей алой английской форме.

– Я думала, вы прибыли от Компании, а не в качестве слуги моего отца, – вызывающе сказала Ануша на хинди.

Раджа сердито шикнул на нее, но англичанин ответил на том же языке и посмотрел дерзким, оценивающим взглядом. Никакой мужчина не имеет права так смотреть на женщину с открытым лицом, если она ему не родственница.

– Я здесь в обоих амплуа. Компанию беспокоят намерения махараджи Алтафура относительно вашей провинции. И вашего отца тоже.

– Я понимаю, почему их волнует возможная угроза Калатваху. Но с какой стати моему отцу беспокоиться обо мне после стольких лет?

Дядя не отругал ее за открытое лицо, будто она внезапно стала для него англичанкой. Анушу пронзила дрожь. Парави неслышно отступила назад в темноту.

– Вашего отца всегда интересовало, как вы живете, – раздраженно произнес мужчина по имени Хериард. Она инстинктивно покачала головой, и он нахмурился. – Когда Алтафур сделал вам брачное предложение, ваш отец счел это угрозой, возможным способом через вас оказать давление на Компанию.

«Отец знал об этом? Он так пристально за мной следит?» Потребовалось какое-то время, чтобы сквозь негодование и тревожную атмосферу осознать истинное значение сказанного.

– Я могла оказаться заложницей?

– Именно так.

– Какое ужасное беспокойство я могла причинить Компании и своему отцу!

– Ануша! – Раджа хлопнул ладонью по столу.

– Мисс Лоуренс.

– Не называйте меня так.

У нее дрожали колени, но длинные юбки это скрывали.

– Это ваше имя.

По-видимому, этот тип так разговаривает со своими солдатами. Но она не принадлежит его войску. Ануша вскинула подбородок, заодно наконец он перестанет дрожать.

Тихий голос человека, привыкшего к беспрекословному повиновению, рассек их враждебность.

– Мы с твоим отцом пришли к согласию, что тебе лучше вернуться в его дом, – произнес раджа.

– Вернуться в Калькутту? Вернуться к отцу, после того как он выгнал нас с матерью? Я ему не нужна, он просто хочет, чтобы я не помешала его политическим интригам. Я ненавижу его. Не смогу оставить Калатвах и вас, дядя, если здесь назревает опасность. Я не сбегу отсюда никогда!

Воспоминания о смеющемся высоком мужчине и придушенных рыданиях матери мешались со звуками настоящего, потрескиванием пламени и бряцаньем стали.

– Какая драма! – протянул Хериард, словно ледяным ветром сдувая танцующие картинки прошлого. Ануша едва удержалась, чтобы не дать ему пощечину. – Десять лет на-

зад ваш отец оказался в безвыходном положении и поступил единственно возможным для него способом – по чести, – чтобы обеспечить вам с вашей матерью достойное благосостояние.

– По чести! Тьфу!

А Хериард продолжил:

– Никогда, слышите, никогда не смейте задевать честь сэра Джорджа Лоуренса в моем присутствии! Вы меня поняли?

– А иначе что? – От напряжения у нее заболела шея.

– Иначе вы об этом пожалеете. Если не хотите уезжать по приказу своего отца, сделайте это ради его высочества, вашего дяди. Или ваша обида столь глубока, что в угоду ей вы готовы поставить под угрозу безопасность королевской семьи и всей провинции?

Обида? Он спокойно называет обидой то, что они с матерью испытали, когда отец предал свою любовь и изгнал их из дома? Холодный мрамор закачался у нее под ногами. Ануша проглотила рвущуюся с языка яростную отповедь и посмотрела на дядю:

– Милорд, вы хотите, чтобы я уехала?

– Так будет лучше, – ответил Кират Джасван. Он был ей и правителем, и дядей, и приемным отцом. И она в ответ платила ему беспрекословным повиновением. – Ты... все усложняешь, Ануша. Я хочу, чтобы ты была в безопасности и у себя дома.

«Значит, здесь я не у себя дома?» Что бы она ни чув-

ствовала за прошедшие месяцы, все изменилось слишком резко, слишком внезапно. Дядя выгоняет ее так же, как когда-то выгнал отец. Теперь она действительно одна, брошена на произвол судьбы, и нет места, которое она сейчас могла бы назвать своим домом. Протестовать бесполезно, ничего нельзя сделать. Она воспитана раджпутской принцессой, хотя ее кровь и не так чиста.

– Дом моего отца – не мой дом. И никогда не был. Он предельно ясно дал мне это понять. Но раз вы, дядя, просите, я поеду к нему.

Она не пустит слезу перед этим высокомерным angrezi, который получил то, зачем явился, – ее покорность. Она принадлежит к королевскому дому, у нее есть гордость, и она исполнит приказ своего правителя, скрывая страх. Даже если он прикажет ей биться с врагами до самой смерти. И подобная перспектива отчего-то показалась ей менее страшной, чем предстоящая.

– Когда я должна уехать? – спросила она у раджи.

Ей ответил англичанин. Казалось, дядя умыл руки и передал ее этому человеку.

– Как только будут готовы лошади и провизия. Нам предстоит долгий, многонедельный путь.

– Я помню, – сказала Ануша.

Недели сплошных неудобств и страданий. Она цеплялась за мать, слишком гордую, чтобы плакать. Они уезжали, ибо их выгнал из дома ласковый мужчина, напоминавший мед-

ведя. Который обнимал ее и безмерно баловал, был для них с матерью центром вселенной. Потому что любовь, как оказалось, не вечна. Ее оттеснила целесообразность. Они хорошо усвоили этот урок.

Но тут она осознала слова Хериарда.

– Нам? Вы собираетесь меня взять?

– Конечно. Я ваш сопровождающий, мисс Лоуренс.

– Мне очень жаль, – сказала она и притворно улыбнулась.

Она превратит их путь в сплошное страдание для этого бесчувственного скота. – Вы явно не в восторге от своего поручения.

– Я прошел бы весь этот путь безлошадным и босым, будь на то воля сэра Джорджа, – ответил майор Хериард. Холодный зеленоглазый взгляд не выражал ни приязни, ни гнева, твердый, как изумруд, поблескивающий в его ухе. – Он мне как отец, и если он чего-то желает, я гарантирую, мисс Лоуренс, он это получит.

«Как отец? Что же это за человек, если его преданность выходит так далеко за рамки воинского повиновения?»

– Прекрасно сказано, – отозвалась Ануша и повернулась к выходу. – Надеюсь, вы будете последовательны в своих поступках и не пойдете на попятную.

Глава 3

– Если этот человек пришлет мне еще одно указание о том, что я должна или не должна взять с собой, я закричу!

Ануша стояла в окружении усталых, сбившихся с ног слуганок и подыскивала определение, характеризующее Николаса Хериарда. Под строгим взглядом Парави она проглотила уже готовую сорваться с языка характеристику и пошла на компромисс.

– Budmash!⁹

– Майор Хериард не какой-то негодяй и подлец, – сказала рани, но, несмотря на осуждающий тон, у нее на губах заиграла слабая улыбка. – И не говори так громко, он же по ту сторону резной стены. Тебе предстоит долгое путешествие. И он совершенно прав, желая удостовериться, что ты взяла все необходимое, но ничего лишнего.

– Интересно, что он там делает? – Ануша повысила голос. Если этот гнусный тип подслушивает, пусть знает ее мнение. Управлявшие ее жизнью мужчины оставляли ей небольшой выбор, заплакать и сдаться или потерять самообладание. Сделать первое не позволяла гордость, значит, майору придется получить добрую порцию второго. – Это же женская половина дворца.

⁹ Дурной, гадкий человек (*хинди*).

– При нем евнух, а комната со всех сторон закрыта занавесами, – прошептала Парави. – Он проверяет все, что упаковано в дорогу.

– Ха! Дядя говорит, я могу взять двадцать слонов, сорок верблюдов, сорок запряженных волами повозок и еще лошадей примерно...

– А я говорю, что этого слишком много, – слышался из-за стены звучный голос. Ануша подскочила и ударилась ногой о кованный сундук. – Можно подумать, вы собираетесь замуж за императора, мисс Лоуренс. Кроме того, ваш отец наверняка захочет, чтобы вы носили западные наряды и драгоценности.

– Мама рассказывала мне об этих нарядах. – Ануша демонстративно прошла мимо груды ковров и оказалась у резной стены. Англичанина она заметила только в виде большой тени на шелковом занавесе. – Корсеты! Чулки! Подвязки! Мама называла их орудием пытки.

В ответ слышала легкий смешок.

– Леди не говорят о таких вещах в присутствии джентльменов. – Хериард буквально подавлял смех.

– Тогда уходите. В вашем присутствии нет необходимости. Да в любом месте. И нечего злорадствовать, что вы добились своего. А если решили шпионить из засады, придется мириться с любыми моими высказываниями. – Рани издала тихий стон. – Уходите, майор Хериард. Двадцать слонов пойдут не медленнее десяти.

– Двадцать слонов едят вдвое больше десятка, – парировал тот. – Мы уезжаем послезавтра. Если что-то останется несобранным или не поместится на половине указанных вами выючных животных, останется здесь. И я не злорадствую, просто испытываю огромное удовлетворение, что могу исполнить поручение вашего отца.

Ануша уже открыла рот, чтобы удостоить его соответствующим ответом, однако по ту сторону послышались удаляющиеся шаги, и пришлось промолчать. Этот тип с плохими манерами уклонился от разговора. Невыносимо!

– Найди мне кинжал, – потребовала она у ближайшей служанки, которая, казалось, приросла к месту. Ануша нахмурилась. – Его я, по крайней мере, точно возьму с собой, у меня для него отличная цель.

Кроме того, она заберет все свои драгоценности. Когда окажется в Калькутте, майор Хериард уже не будет ее тюремщиком, а ей понадобятся деньги, чтобы бежать из своей темницы. Из отцовского дома.

Кинжал в руке, и она им воспользуется, потому что этот гадкий *angrezi* кричит на нее и трясет за плечи. Барабаны бьют тревогу, вокруг опасность.

– А-а! Нас... – Попытку выкрикнуть «насилуют» жестко пресекла чья-то большая ладонь. Ануша только что видела это во сне, но, видимо, это не...

– Тихо, – прошипел ей в ухо Николас Хериард. – Мы уез-

жаем. Прямо сейчас. Тайно. Я уберу руку, вы же говорите шепотом, или я вырублю вас одним ударом и увезу силой. Вы меня понимаете?

Напуганная и разъяренная – только бы он этого не заметил! – она кивнула, майор убрал руку.

– Где мои служанки?

Майор кивком показал в угол, и она чуть не закричала, увидев в тусклом свете масляной лампы две скрюченные фигуры. Рука снова и совсем не деликатно зажала ей рот. Жесткая мозолистая ладонь всадника, отдающая выделанной кожей.

– Они просто одурманены, – прошептал он ей в ухо и крепче зажал рот ладонью, пресекая попытку укусить. – Здесь повсюду рыщут шпионы, я не мог рисковать. Слушайте меня.

Он снова убрал руку от ее рта.

Ануша наконец полностью проснулась и осознала, что барабанный бой проник в ее сон из реальности. От мерных ударов, казалось, гудел весь дворец. Она никогда не слышала, чтобы они били так тревожно, да еще глубокой ночью.

– На нас напали?

– Скоро здесь будет махараджа Алтафур. Его боевые слоны и конница уже в четырех часах хода.

– Он узнал, что вы здесь? Приехали за мной? – Ануша села на своей невысокой постели и закуталась в простыню. Сидящий рядом Хериард откинулся на пятки. На нем сно-

ва было индийское одеяние, на сей раз обычный костюм для верховой езды и тугой черный тюрбан, скрывший предательски светлые волосы.

– Он наверняка загодя собрал свое войско, иначе бы не сумел так быстро приблизиться. Кроме того, шпионы, должно быть, сообщили ему, что прибыл кто-то из Компании, вероятно забрать вас с собой, и ведет переговоры по этому поводу. Думаю, он решил нанести удар первым, захватить провинцию, пока ваш дядя не успел стать союзником Компании.

– Дядя не сдастся Алтафуру!

Она выбралась из постели и сразу задрожала от ночного холода в своей тонкой хлопковой рубашке. Каменный пол неприятно холодил босые ноги.

– Верно, раджа не собирается сдаваться. Он уже послал за подмогой в Агру и Гвалияр. И в Дели. Компания вышлет свои войска сразу, как только узнает о нападении. Думаю, при их появлении Алтафур быстро вернется туда, откуда пришел. Вашему дяде надо продержаться всего пару недель.

Он лжет, чтобы ее успокоить? Ануша попыталась прочесть правду по его лицу. И унять нарастающий тошнотворный страх.

– Вы останетесь здесь сражаться?

Непонятно, имеет ли значение лишний солдат, но ей стало немного легче при мысли, что этот человек будет дяде в помощь. Пусть он и высокомерный, и раздражает, но она не сомневалась, что майор Хериард отличный воин.

– Нет, мы уезжаем. И прямо сейчас.

– Я не могу бросить дядю! За кого вы меня принимаете?

За трусиху?

Он быстро окинул ее взглядом, и она вдруг осознала, что стоит в одной рубашке и сквозь тонкую ткань просвечивают сжавшиеся от холода соски. Она быстро завернулась в простыню и сердито глянула на майора. Тот уже поднимался на ноги.

– Развратник!

– А я было понадеялся на ваше благоразумие, – со вздохом произнес он. И что-то еще пробормотал по-английски.

Ануша вцепилась в последние слова как коршун.

– Как-как? Местогодовая девчонка?

– Пустоголовая. Глупая, – перевел тот. – Нет, попытка выцарапать мне глаза вам не поможет. – Он с высокомерной непринужденностью поймал ее за руки. – Послушайте меня. Думаете, вашему дяде будет лучше, если ему еще и за вас придется волноваться? А если случится самое худшее, что вы собираетесь делать? Поведете женщин к кострам или станете заложницей?

Ануша глубоко вздохнула. Он прав, демоны его заберут. Знает, в чем состоят ее обязанности, а она уже не ребенок, чтобы отказываться кому-то назло. Она поедет с ним, но не потому, что он так сказал, а потому, что так пожелал ее повелитель – раджа. Кроме того, этот дворец больше не ее дом.

– Если дядя велел уезжать, я уеду. Но как именно?

– Вы хорошо держитесь на лошади?

– Разумеется! Я – раджпутка!

– Тогда оденьтесь для долгого трудного пути верхом. Подберите себе мужскую одежду, обязательно из плотной ткани, и хорошие сапоги. Волосы заверните в тюрбан. Еще возьмите с собой одеяла – ночевать будет холодно, однако ровно столько, сколько необходимо. Справитесь? Встретимся внизу во внутреннем дворе. Jaldi.¹⁰

– Может, я и пустоголовая, майор, но не дура. Понимаю, что нужно поторопиться.

– Сможете одеться без посторонней помощи? – Он остановился на пороге, отбрасывая широкую тень на светлом мраморе.

Вне себя от ярости, Ануша запустила в него сандалией, разбив о дверной косяк тонкую костяную перемычку. Майор растворился в темноте, она поежилась. Барабанный бой пробирал до самых костей. Мгновение она стояла, собираясь с мыслями, потом быстро подбежала к лежащим в углу служанкам. Сначала у одной, потом у другой нашла вену на шее и ощутила сильный и ровный пульс. Шпионки или нет, но они живы.

Затем взяла ночник и стала ходить от ниши к нише, зажигая лампы, наконец она стала хорошо различать окружающее. Когда вытащила самый дальний сундук с одеждой для путешествия, маленькие оскольчатые зеркала на стенах от-

¹⁰ Поторопитесь (*хинди*).

разили мириадами ее собственное изображение. Она натянула простые брюки, узкие снизу и широкие сверху, потом несколько слоев блуз и кофт, поверх – длинный коричневый сюртук с разрезами по бокам. В сундуке нашлись мягкие сапоги для верховой езды, за голенище правого она сунула свой кинжал, а за пояс – маленький изогнутый ножичек.

Потом быстро скрутила волосы в тугий жгут на макушке и, как сумела, намотала темно-коричневый тюрбан. Таким способом она иногда убирала волосы для верховой прогулки, но тюрбан ей всегда наматывали служанки.

Деньги. Сколько их у Хериарда? Ануша стянула тюрбан, снова порылась в сундуке и нашла драгоценности, которые собиралась носить в Калькутте, чтобы подчеркнуть свой статус и независимость. Переложив самые лучшие в сумку, она замотала ее в волосы и вновь накрутила тюрбан.

Два одеяла со сменой белья внутри, туалетные принадлежности, сумочка со шпильками и гребенками, трутница. Что еще? Ануша потеряла виски, от барабанного боя мысли разбегались, трудно было сосредоточиться. Скоро кто-нибудь придет ее проведать, начнет причитать и это заставит ее спрятаться в безопасных недрах дворца, где она так желала сейчас находиться. Но она не имеет права прятаться.

Ануша отыскала коробочку с лекарствами и добавила к дорожным принадлежностям, потом закатала все вещи в одеяла, связала их кожаными ремешками и подхватила рулон на руки. Лестницы и переходы буквально пронизывали

весь дворец. Она выбирала самые узкие и редко используемые ходы, а приближаясь к выходу, и вовсе пошла на цыпочках.

Хериард все равно заметил ее. Отделился от стены и шагнул вперед, его глаза вспыхнули в свете факела. Он потянулся за связкой одеял.

– Я сама справлюсь. Но я еще должна попрощаться с дядей и тетей Парави...

– А если вас увидят? Вы понимаете, какой это риск? Они знают, что мы собираемся уехать, у них сейчас много других дел. Пойдемте.

Он подтолкнул ее вперед себя к двери, внутрь дворца. Казалось, майор не хуже ее знает все входы и выходы, вовремя прятал ее в альковы, когда они натыкались на слуг, знал, когда лучше замереть и скользнуть в тень, чтобы не попасть в поле зрения рассеянного караульного, прислушивался к крикам, доносившимся со стороны зубчатой стены, окружавшей дворец.

Внезапно путь им преградила какая-то худая фигура, Ануша резко остановилась. Хериард налетел на нее сзади и схватил за плечи, чтобы не упасть. Она ощутила спиной его твердое и надежное тело и внезапно порадовалась, что он такой огромный. Когда майор отпустил ее плечи, казалось, ее лишили крепкой защиты.

– Аджит, лошади готовы? – Его голос прозвучал с мягкой хрипотцой.

– Да, сахиб, – ответил тот, и Ануша узнала слугу майора. Он тяжело дышал, видимо, бегом преодолел крутой подъем от главного двора. – Паван и Раджат готовы. И хорошая кобыла для леди. Нижние ворота еще открыты, солдаты занимают позиции у стен, но нам надо поторопиться, иначе они нас заметят.

Они бежали, поскользываясь на черных камнях, за много веков истоптанных до скользкой гладкости животными и людьми. Шли, прижимаясь к высоким стенам, неясно маячившим над их головами, и замирали каждый раз, когда дорога внезапно меняла направление и они оказывались перед очередными воротами. Раз они идут без охраны, надо хотя бы сбить с толку возможных нападающих.

«Опять ворота», – подумала Ануша и больно ударилась о торчащее в стене кольцо. Где-то впереди послышался крик и тяжелый стук, будто что-то упало. Хериард склонился над скорчившейся фигурой Аджита.

– Ключица, сахиб, – выдохнул слуга. – Я сломал ее. Простите.

Он приподнялся и сел на земле. Ануша увидела, что его правое плечо сплющено в неестественном положении. При свете факела было видно, что лицо слуги посерело от боли.

– Тебе придется остаться. – Хериард помог ему подняться на ноги и прислонил к стене. – Возвращайся назад и иди к придворному доктору. Ему можно доверять. Скажешь, что-бы передал его высочеству: мы покинули дворец в полной

безопасности.

– Сахиб, возьмите мою поклажу. Там оружие.

– Я возьму. Позаботься о себе, Аджит, мой друг. Увидимся в Калькутте.

Хериард поднял с земли вещи слуги, взял Анушу за руку и потянул за собой.

– Вы действительно хорошая наездница? – настойчиво спросил он, когда они подошли к последним воротам. Остановился, подозрительно оглядываясь. Тени высоких грозных пик покрывали полосами его лицо.

– Разумеется.

Она подняла голову, разглядывая отпечатки ладоней на стене рядом с воротами. Их оставляли женщины – прежде чем выйти за ворота и стать сати¹¹ на погребальном костре своего мужа. Анушу передернуло. Англичанин заметил это и проследил за ее взглядом.

– Еще одна серьезная причина не выходить замуж за махараджу вдвое старше себя, – заметил он, взял девушку за локоть и повел во внутренний двор.

– Не прикасайтесь ко мне!

Игнорируя протесты, он потащил ее мимо слоновьих загонов и привел в конюшни. Сейчас, когда конница ушла на передовую, здесь осталась только разбросанная солома. Майор

¹¹ По индийскому погребальному ритуалу *сати* (на санскрите – настоящая, правдивая, истинная) – вдова, которая после смерти мужа совершает самосожжение на особом похоронном костре.

остановился и рывком придвинул к себе Анушу. Его голос зазвучал тихо, но повелительно:

– Послушайте, мисс Лоуренс. Может, вам трудно в это поверить, но ваша красота не заставляет меня сгорать от страсти. А если бы и заставляла, я не такой дурак, чтобы тратить время на плотские утехи, когда вот-вот может разразиться война.

Он отпустил ее и стал крепить одеяла к седлам. Лошадей в конюшне было три: крупный красивый серый конь, еще один поменьше, черный и мускулистый, и гнедая кобыла с клеймом дядиной конюшни.

– Возьмите. – Майор сунул Ануше в руку поводья кобылы. – Если мне понадобится к вам прикоснуться, я прикоснусь, и лучше со мной не спорить, ибо это может произойти только в чрезвычайных обстоятельствах. Я обещал вашему отцу привезти вас, но не обещал не пороть в случае необходимости.

– Свинья! – прошипела она.

Хериард пожал плечами:

– Даже если и так, свинья собирается спасти вашу шкуру. И если уж мы затронули тему прикосновений, спешу напомнить, что именно вы пробрались в комнату омовений и прикасались ко мне, совершенно обнаженному. Кстати, у вас были холодные руки, да и над техникой надо еще поработать.

Он вывел оставшихся лошадей и связал поводья черного коня у него на шее, тот нес на спине все одеяла.

– Давайте я помогу вам забраться в седло.

– Я не нуждаюсь в вашей помощи.

Ануша сунула ногу в стремя и вскочила на лошадь.

– Я просто хотела посмотреть. – Она растерянно осеклась, сознавая, куда завел ее буйный нрав.

– Посмотреть на что?

Майор уже гарцевал на сером коне. В свете факела его худощавое лицо отражало лишь удивление и любопытство.

– Какого цвета ваша кожа, – резко пояснила Ануша.

– Ну и как? Удовлетворили любопытство?

Хериард прищелкнул языком, и серый с гнедым покинули конюшню. Ануша пришпорила лошадь и поскакала за ними.

– Да. Там, где вас не касалось солнце, кожа розовая. Со-
всем не белая. – Ей нечего его смущаться или стыдиться.

– Подозреваю, при долгом пути в вашем обществе я буду
регулярно бледнеть, – откликнулся он. – А сейчас молчите
и прикройте лицо.

Он высвободил из тюрбана край полотна и закрепил с дру-
гой стороны, закрыв нижнюю часть лица. Девушка, кипя от
негодования последовала его примеру. Два человека и три
лошади беспрепятственно выехали за ворота дворца и по-
скакали по дороге к городу.

Ануша извернулась в седле, чтобы в последний раз взгля-
нуть на высокие стены крепости. За ними находился дворец,
на долгие годы ставший ей домом. Теперь она не просто пре-
вратилась в беглянку. Она уже не избалованная племянница

раджи. И не мисс Лоуренс, отверженная дочь англичанина. Эта мысль пугала ее, хотя и странным образом раскрепощала. Нет нужды размышлять, куда и каким образом она направляется. Ей предстоит отдаться на волю судьбы.

Она пришпорила кобылу и, нагнав Хериарда, поравнялась с ним.

– Куда мы едем? – по-английски поинтересовалась она, решив, что стоит попрактиковаться в языке.

– Сначала в Аллахабад. И говорите на хинди.

– Чтобы не привлекать внимание? – Удобнее закрепляя конец тюрбана, она заметила, что он в ответ кивнул. – Вы сами привлекаете внимание и без единого слова. Вы слишком высокого роста, притом слишком белый.

Она скорее умрет, чем признается, что ей спокойно, когда рядом такой великан.

– С закрытыми волосами меня вполне можно принять за пуштуна, – возразил Хериард.

– Да, они высокие, светлокожие, с серыми глазами, во всяком случае, так выглядели северяне, которых я встречала, – согласилась она. – Но у вас глаза зеленые.

Город, похожий на развороченный муравейник, кипел новостями о приближающейся армии. Гнедая с фырканием пробиравалась между запряженными повозками, бегущими людьми. Хериард хотел было взять ее под уздцы, но убрал руку, когда Ануша гневно на него зашипела и в несколько секунд обуздала свою кобылу.

– Я польщен, что вы заметили, какого цвета у меня глаза.

Он обогнул корову, лежащую посреди дороги, та жевала жвачку и относилась к окружающей суете с полным безразличием.

– Не стоит. Естественно, я заметила – вы другой. Странный, – добавила она, чтобы он не счел это комплиментом. – Я очень-очень давно не видела таких, как вы.

Хериард ничего не ответил, объезжая плюющихся ворчливых верблюдов и направляя коня по шаткому мостику на другой берег реки. То ли его нелегко было задеть за живое, то ли он просто не принимал ее всерьез. На небо выкатилась луна и стала хорошо заметна, как только они отдалились от костров и факелов. Angrezi поднялся в стремях и осмотрел раскинувшиеся перед ними окрестности.

– Можно проехать вон там, – указала Ануша. – Эта дорога идет через поля и совершенно безлюдна. По ней мы доберемся быстрее, никто нас не увидит.

– И оставим следы трех лошадей на земле, где раньше ступали только копыта вола да босые ноги. На этой дороге нас выследить куда сложнее.

«По крайней мере, он объяснил, почему отказывается», – признала она. Тут до нее дошел скрытый смысл его слов.

– Нас могут преследовать?

– Конечно. Как только поймут, что вас нет во дворце, шпионы махараджи начнут поиски. Я считаю, у нас форы не более полудня.

У Ануши засосало под ложечкой. Откровенность англичанина внезапно перестала казаться привлекательной.

– Здесь значительно опаснее, чем в крепости. Почему мы не могли остаться там и подождать, пока не подоспеет помощь?

Хериард бросил на нее взгляд, его глаза вспыхнули серебром, напоминая зеленоватый жемчуг.

– Потому что ваш дядя не уверен, что сможет защитить вас во дворце. Для махараджи, который жаждет обрести власть и загнать в угол Компанию, вы очень заманчивая награда. Из-за вашего отца.

– Во дворце я тоже была бы в опасности?

– Думаю, да. Мне ведь не составило труда увезти вас, разве нет?

– Да. – Она глубоко вздохнула. Предательство, шпионы, ложь, опасность. А она-то считала, что у нее такая спокойная жизнь. Такая скучная. Оказывается, ее могли похитить в любой момент.

– Вы боитесь?

– Чего именно? У меня богатый выбор.

К ее удивлению, он засмеялся:

– Преследователей, дороги, цели нашего путешествия. Меня.

– Не боюсь, – солгала Ануша. Ее до смерти пугало все перчисленное, но она не собиралась в этом признаваться. Тихий смешок показал, что он об этом думает. – Ну, вы, похо-

же, мастер своего дела, так что полагаю, сумеете избежать преследования, – сказала она. Ей виделось очень важным убедить его в своей храбрости, способности перенести путешествие. – Я видела мир не только из-за занавесей паланкина и вполне способна воспринимать реальную действительность. Когда мы доберемся до места назначения, я во всем разберусь. А что касается вас, майор Хериард... – Она искала подходящее слово на хинди и, не найдя, снова перешла на английский. – Вы ведь джентльмен, не правда ли? И офицер. Моя мать говорила, что английские джентльмены ведут себя с леди уважительно и благородно.

– В теории да, – сухо согласился тот, а потом засмеялся и послал лошадь в легкий галоп.

Ей ничего не оставалось, как последовать за ним с дурными предчувствиями.

Глава 4

– Почему мы остановились? – недовольно поинтересовалась Ануша. Хериард свернул с дороги, и лошади перешли сначала на бег, а потом на шаг. Земля здесь была неровной и каменистой. – Эта дорога просто ужасна, скакать галопом по ней не получится.

– Вы собираетесь спорить с каждым моим решением? – не оборачиваясь, спросил тот.

– Да.

У нее уже не было сил удерживать в седле ноющее тело. Желание упасть на землю и заснуть мертвым сном казалось почти непереносимым. А когда она проснется, все это окажется дурным сном.

– Скоро зайдет луна, и дорога станет неразличима. Дальше небольшая рощица, она послужит нам укрытием. Раскинем временный лагерь и поспим до восхода. Я свернул здесь, чтобы не оставлять следов.

– Отлично, – похвалила Ануша.

– Очень мило, мисс Лоуренс, но ваше одобрение мне не требуется, исключительно послушание.

Остановив коня, Хериард казался темным силуэтом. Он пристально изучал в угасающем лунном свете строй деревьев и кустарников и отвечал рассеяннo, словно Ануша мало его интересовала.

– Майор Хериард!

– Зовите меня Ник. И оставайтесь на месте. Ваш голос наверняка распугал всех опасных тварей, мне лучше пойти первым.

Ник. Интересно, что значит это имя? Стараясь отвлечься от мыслей, что она внезапно оказалась одна и в кустах что-то скребется, Ануша перевела его с английского. Кажется, зарубка,¹² маленький разрез, выемка? Ну, это едва ли ему подходит. Он быстр и силен, как стремительный удар сабли.

– Здесь неподалеку маленький храм. Его стены нас защитят. Мы сможем разжечь костер и поспать на каменных плитах, – сообщил вернувшийся Ник. – На наше счастье, в нем есть сосуды с водой. Мы сможем напоить лошадей.

Он поскакал к храму, Ануша последовала за ним.

– Вы собираетесь ограбить святой храм? – Впрочем, она возмущалась больше из духа противоречия. Едва ли можно считать грабежом воду.

– Мы не собираемся наносить вред. И можем оставить подношение, если вы пожелаете. – Он спрыгнул с лошади и протянул ей руку.

– Я справлюсь. Интересно, как это христианин собирает-ся оставлять подношение в индуистском храме? – Приземление оказалось жестче, чем ей представлялось, у нее подогнулись колени. Поддержавшая рука Ника оказалась унижающе необходимой. – Я же сказала, что справлюсь сама.

¹² Сокращенное имя Nick также переводится как зарубка, зазубрина, бороздка.

Тот проигнорировал ее протесты и поддерживал, пока она не обрела под ногами твердую почву. Так странно ощущать прикосновение мужчины, причем почти незнакомого. Она чувствовала себя в безопасности и опасности одновременно.

– Мне кажется, это никого не должно обидеть. Кроме того, после двенадцати лет в этой стране я уже не уверен, кто я такой. Возможно, прагматист. А вы?

Хороший вопрос. Ануша подумала, что с этим лучше определиться до того, как они прибудут в Калькутту. Прожив пять лет с сэром Джорджем, ее мать перешла в христианство. И последующие десять лет Ануша ходила с ней в церковь. А в Калатвахе жила как индуска.

– Кто я? Не знаю. Какая разница, если живешь, ни в чем не нуждаясь.

– Звучит философски. По крайней мере, хоть из-за этого нам с вами не придется спорить.

Он не стал расседлывать лошадей, только ослабил подпруги и бросил упряжь на каменную платформу храма.

– Нам вообще не придется спорить, если вы будете уважительно со мной обращаться, – парировала она, добавив про себя: «И перестаньте следить за мной, как ястреб». Потом нашла веточку погуше и стала сметать с каменной плиты опавшую листву. Под ней могли скрываться насекомые или даже небольшие змеи.

– Разумеется, я обращаюсь с вами с подобающим уважением, мисс Лоуренс. – Ник перевернул сосуд с водой над ка-

менной поилкой для лошадей. – Вы – женщина и дочь вашего отца, это означает, что я обращаюсь с вами иначе, чем если бы вы были мужчиной. А остальное, – он пожал плечами, – зависит уже от вас.

– Я не желаю ехать к отцу. Я его ненавижу.

– Можете желать чего хотите, но не смейте оскорблять сэра Джорджа в моем присутствии. Оставайтесь на месте.

В полутьме она не видела его лицо, но в голосе звучал гнев. Снова и снова он выказывал странную, яростную верность ее отцу. Ник повернулся и куда-то направился.

– Пойдите! Куда вы? – «Он же не может бросить меня в наказание одну в темноте?»

Он исчез в кустах. Ануша слышала, как он топчет сапогами нижние ветви кустарника. Потом он вернулся, проделывая по дороге непонятные манипуляции с передней частью своих штанов. Ануша вспыхнула.

– Хорошие густые кусты, – жестом показал он. – И без змей.

– Спасибо.

Собрав остатки достоинства, Ануша спустилась по ступенькам на землю и направилась к зарослям. Только сейчас она начала понимать все прозаические сложности путешествия в мужском обществе. Им могут встретиться большие пространства без единого кустика. И что ей тогда делать? А этот негодяй, похоже, привык говорить о таких вещах без всякой робости и скромности. Она же за последние десять

лет ни разу не оказывалась наедине с мужчиной, даже со своим дядей или кем-то из евнухов. До тех пор, пока, гоняясь за Тави, не столкнулась в коридоре с Ником.

К счастью, когда она вернулась, внимание майора уже было сосредоточено на разжигании костра в углу храма. Огонь давал достаточно света, но его нельзя было увидеть со стороны. Рядом с костром была устроена импровизированная постель из одеял.

В тени она заметила приземистый лингам¹³ Шивы, при свете костра на нем блестели следы влаги.

– Здесь недавно кто-то побывал.

Ануша подошла ближе. Древний каменный фаллос покрывало свежее масло, а по изогнутому в виде женского органа основанию были разбросаны цветочные лепестки.

– Я понял, – ответил Хериард.

Ануша сложила руки, отдавая почтение божественному символу. Какой бы веры он ни придерживался, он явно знал, как выказывать богам уважение. Ее отношение к майору немного смягчилось.

– Вот. – Ник жестом показал на пищу, что лежала у одеял на большом листе какого-то растения. – Утолите голод и жажду и потом поспите. Только не раздевайтесь. Не снимайте ничего, даже обуви.

– У меня нет намерений снимать с себя что-либо!

¹³ Лингам – индуистский фаллический символ, олицетворяющий мужское начало.

– В таком случае вам предстоит несколько очень неудобных недель, мисс Лоуренс. Ой, да садитесь вы. Я сегодня слишком устал, чтобы покушаться на вашу честь!

Он шутил. По крайней мере, она на это надеялась. Девушка осторожно опустилась на одеяла.

– Ешьте. Вам нужно подкрепить силы. У нас очень мало времени на отдых. Завтра вечером, я надеюсь, мы сможем отдохнуть подольше.

– Где вы будете спать? – Она взяла пресную лепешку, завернула в нее нечто, напоминающее козий сыр, и сунула в рот. И сама удивилась, как она, оказывается, голодна!

– Я не собираюсь спать. Я буду нас охранять.

– Но вы ведь не можете заниматься этим каждую ночь, – заметила Ануша.

– Не могу, – согласился Ник. – Отдохну, когда мы окажемся в более безопасном месте и я смогу оставить вместо себя вас.

Он оторвал кусок лепешки и сунул в рот. Сверкнули белозубой крепкие зубы.

– Меня?

– Оглянитесь внимательнее, мисс Лоуренс. Разве здесь есть кто-то, кроме нас? Рано или поздно, но мне придется поспать. Или у вас не хватит сообразительности понаблюдать за окрестностями?

– Конечно, хватит. У меня ее хватит на что угодно. Я...

– Раджпутка. Знаю. Кроме того, вы дочь своего отца, а это

означает, что где-то в вашей головке есть и мозги, несмотря на все доказательства обратного.

Ануша чуть не подавилась водой из фляги.

– Да как вы смее! Вы привыкли ко всем этим вещам, а я нет. Мне пришлось встать спозаранку и всю ночь скакать верхом на пару с мужчиной. Я за последние десять лет ни разу не оставалась с мужчиной наедине! И я волнуюсь о Калатвахе.

– Это правда, – признал Ник. Но извинения в его голосе было немного. – Я приложу все усилия, чтобы сохранить в целости и сохранности вашу жизнь и вашу невинность, но вы должны вести себя как мужчина, ради вашей же безопасности. Вы это понимаете?

– Как вы правильно предположили, у меня действительно есть мозги, – парировала Ануша. – И я ложусь спать.

– Намасте, – откликнулся он настолько вежливо, что это навело на мысль об издевке.

– Намасте, – ответила она и завернулась в одеяла. Она просто закроет глаза и даст отдых ноющим от усталости рукам и ногам. Но спать не станет, потому что не доверяет этому человеку.

С той же мыслью Ануша проснулась тревожно и резко. Хотя опасаться, похоже, глупо. Сон ее никто не тревожил, и она по-прежнему была плотно закутана в одеяла. Хериард маячил поблизости, ухаживая за лошадьми.

Еще не совсем рассвело, значит, она спала около двух часов. А он не спал вовсе. Из-под полуприкрытых век Ануша наблюдала за тем, как он осматривает лошадей и ведет по-пасть к сочной траве. Бессонная ночь отразилась на нем лишь большей напряженностью в лице и в жестах.

Ануша подумала, что он совсем не такой, как мужчины, среди которых она жила последние годы. Индусы в большинстве своем гибкие и стройные. Вспомнилось, что существует какое-то английское слово... да, худощавые. Ника Херарда нельзя назвать таковым. Он слишком большой, просто подавляюще громадный. Высокие скулы, крупный нос, сильный подбородок – черты его лица дышали силой и властью. Ануша вспомнила, как прикасалась к его мускулам, и задрожала. В этот момент Ник обернулся и увидел, что она за ним наблюдает.

Ей показалось, он покраснел под своим золотистым загаром. Ник жестом показал на костер.

– Если желаете умыться, есть горячая вода. Я пока пойду и проверю дорогу.

Ануша дождалась, пока он с мушкетом в руке не скроется из вида, и наконец выпуталась из одеял. Воспользовалась близлежащим кустарником и, как могла, умылась. Когда Ник, тактично насвистывая, вернулся, она уже скатывала одеяла.

– Все в порядке?

Не дожидаясь ответа, он присел у огня и стал готовить

чай, кидая в кипящую воду листья из захваченного с собой мешочка. Еда была та же, что и вчера, только хлеб зачерствел. По его быстрым движениям она догадалась, что должна была поесть, пока он отсутствовал. Но она никогда раньше не обходилась без слуг.

– Ешьте. – Ник сунул ей еду и налил чаю в высокий кубок. – Нам надо отправляться в путь, пока вокруг никого.

– Когда мы сможем достать еще еды? – Ануша прожевала черствый хлеб, сомневаясь, действительно ли вчера вечером ела острый сыр, а не что-либо другое.

– Когда встретимся с теми, кто сможет нам ее продать.

– А ближайшая большая деревня это...

– Мы не поедem через деревни, не важно, маленькие или большие. Вы что, хотите отметить флажками весь наш маршрут?

– Но они ведь уже наверняка прекратили свое преследование. Сейчас мы можем быть где угодно.

Ник запил черствую лепешку обжигающим чаем и всмотрелся в утонченное лицо молодой девушки, надменно взиравшей на него. Вопрос вполне разумный, а она, несмотря на свою бравату, очень нуждается в поддержке и утешении.

Однако получит она бодрящую дозу действительности, а он – выход своему раздражению на всю ситуацию. Для него это единственный способ не обращать внимания на тяжесть в паху и жар, что окатывает его с головы до ног всякий раз,

когда он бросает на нее взгляд. Или она на него. Занимаясь лошадьми, он пытался избавиться от наваждения, ее чудесные серые глаза околдовывали его. Странно, конечно, что она так на него действует, колючий нрав мисс Лоуренс едва ли можно назвать очаровательным.

– Как вы думаете, сколько нужно вооруженных воинов, чтобы меня победить? – спросил он. Девушка в ответ лишь покачала головой, и он сам ответил на свой вопрос: – Восемь, возможно, десять. У меня с собой три мушкета, но мы потеряли второго стрелка, кроме того, их еще надо заряжать. Я хороший воин, мисс Лоуренс, и довольно удачливый, иначе меня бы здесь не было, но я один. И шпионы махараджи ему обязательно об этом доложат. Ваш побег – болезненный удар по его гордости, и он легко может пустить за нами хоть дюжину всадников. Кроме того, они наверняка догадываются, что мы направляемся на восток, вполне логичное направление.

Он ожидал увидеть на ее лице страх, возможно, и слезы. Но мисс Лоуренс задрала свой маленький прямой носик, явно унаследованный не от отца, и высокомерно произнесла:

– Тогда научите меня заряжать мушкеты, и поедem каким-нибудь необычным путем.

Значит, он прав, она все-таки унаследовала ум своего отца, а ее покойная мать славилась своей сообразительностью и дипломатичным хитроумием. «Мало мне не покажется», – подумал он и вздрогнул от собственных мыслей. Чего он дей-

ствительно желал в глубине души, так это получить Анушу Лоуренс целиком и полностью.

– Хорошо, я научу вас заряжать. Это действительно имеет смысл. – Во всяком случае, с этими мушкетами она сможет справиться. У него не британские длинноствольные, а короткие, индийского образца, правда, даже с ними ей придется нелегко с их длиной почти сорок дюймов. – И мы можем направиться не на юго-восток в Аллахабад, а прямо к реке Джамне и нанять там лодку. Но тогда придется ориентироваться по солнцу и звездам. У нас нет подробных карт этой местности, а любое отклонение от курса обернется потерей времени.

– Я не испытываю ни малейшего желания находиться рядом с вами, майор Хериард, но и к сэру Лоуренсу я отнюдь не стремлюсь. Пусть наша дорога длится столько, сколько нужно.

– В таком случае нам лучше направится восточнее Аллахабада, – сказал Ник, поднимаясь. Он прикинул дорогу, его память прочно запечатлела изученную ранее карту, но та была, мягко говоря, очень примерной.

– А мушкеты? – требовательно спросила девушка и с привычным изяществом придворной леди поднялась с пыльного камня.

«Вот бы увидеть ее танцующей», – внезапно и неуместно пронеслось в голове Ника. Но воспитанная леди может танцевать либо со своими подругами, либо с собственным му-

жем. Иное означало бы для нее опуститься до уровня куртизанки. Обнаружив, что обдумывает эту мысль, он хмуро посмотрел на девушку и получил в ответ ледяной взгляд. Как, дьявол заberi, ему с ней обращаться? О чем разговаривать?

– Мушкетеры? – повторила вопрос Ануша, всем своим видом демонстрируя нетерпение.

Стройная, миниатюрная, она доставала ему до уха. Чтобы ее поцеловать, пришлось бы наклониться. Ник потрясенно поймал себя на этой мысли и постарался отогнать ее от себя. Вспомнил другую стройную женщину в своих объятиях. А он чувствовал себя неуклюжим болваном. В отличие от Миранды, хрупкой и слабой, эта девушка со стальным стерженьком внутри.

– Позже. В полдень. Когда сделаем привал.

Сейчас ему уже тоже не терпелось добраться до места назначения. Чем дальше они от дворцовых стен, тем ему легче на душе. Он приторочил одеяла к седлу гнедого и подтолкнул Ануше Раджата, черного мерина Аджита. В случае опасности он может отпустить гнедого и поменяться с девушкой конями, отдав ей своего вышколенного Павана.

– Почему именно этот?

Черт побери, она буквально все встречает в штыки!

Однако Ник почти обрадовался своему раздражению, оно отвлекало от фантазий и воспоминаний.

– Он хорошо обучен и знает, что от него требуется. Его зовут Раджат, просто позвольте ему везти вас.

Ануша пожала плечами и взобралась на коня. Ник привязал длинные поводья гнедого к луке седла и повел свой маленький отряд прочь от храма. Он не стал возвращаться к прерванному пути, а направился к холмистым полям, придерживаясь проведенной на карте воображаемой линии.

– Эти места заброшены. Похоже, тут совсем никого нет, – заметила Ануша где-то через пол-лиги.¹⁴

– Да. Если не считать тигров.

– Значит, мы умрем от голода, или нас съедят. А вы, как предполагается, должны обо мне заботиться.

Она произнесла это без особого раздражения, скорее сестуя на нерадивого слугу.

Ник втянул сквозь зубы воздух и сдержал гнев.

– У нас полно воды. Кроме того, здесь бывают ручьи. И лошади почуют тигров. – «Я надеюсь», – мысленно добавил он, а вслух сказал: – Без пищи мы день-два переживем, если понадобится. Я обещал вашему отцу и дяде, что доставлю вас целой и невредимой. Но о комфорте речь не шла.

Девушка затихла, но потом все же спросила:

– Чем я вам так неприятна, майор Хериард?

Не привыкший к рывкам Паван встал на дыбы.

– О чем вы? Я вас совершенно не знаю. И вообще не привык к обществу юных леди.

С ее стороны послышалось что-то очень напоминавшее

¹⁴ 1 лига равна примерно 5 км.

фыркание, Ник взглянул на девушку. Эта маленькая ведьмочка смеялась.

– А я слышала иное.

– Респектабельных юных леди, – сдержанно подчеркнул он.

– Неужели? – Она уже овладела собой, но голос по-прежнему звучал иронично. – А ваша жена разве не респектабельна?

– У меня нет жены.

«Больше нет». Ник стиснул зубы и устремил взгляд вперед, составляя безопасный маршрут подальше от деревьев, за ними могли скрываться смертоносные полосатые существа.

– Но почему? Вы очень стары для холостяка.

– Мне двадцать девять, – резко ответил он. – И я был женат. Ее звали Миранда. Она умерла.

– Простите. – В ее голосе звучало искреннее сожаление, без капли иронии. – А сколько у вас детей? Вы собираетесь скоро снова жениться?

– У меня нет ни детей, ни намерения жениться еще раз.

Он постарался себе напомнить, что это въедливое любопытство насчет его семьи – просто вежливый интерес к незнакомцу. Обычный для жительницы Индии. Он ведь уже привык к такому, верно?

– О, значит, вы очень любили свою жену. Как Шах-Джа-

хан¹⁵ любил свою Мумтаз-Махал. Как печально!

Из ее голоса исчезли резкость и высокомерие. Он звучал мягко и мелодично, в нем чувствовалась необыкновенная нежность, пробиравшая до самой глубины души.

– Нет, ничего подобного, – оборвал ее Ник. – Я слишком рано женился. Думал, так положено офицеру. Женился на девушке, которую считал подходящей. На милой крошке, у которой сил было не больше, чем у новорожденного ягненка. Где уж тут справиться с жизнью в Индии!

– Тогда как же она сюда попала? – Ануша поравнялась с Ником.

– Прибыла на судне рыболовецкого флота.

Девушка удивленно забормотала, Ник пояснил:

– Из Англии прибывают целые корабли молодых особ. Предполагается, что они навещают родственников, на самом же деле подыскивают себе мужа. И я с первого взгляда понял, что здоровье Миранды Найт не выдержит в этой стране и года. Так и случилось. Если бы я на ней не женился, она бы вернулась в Англию, вышла там за крепкого деревенского сквайра и сейчас жила бы в окружении счастливой семьи.

– Должно быть, она вас полюбила, если вышла за вас и рискнула остаться, – сказала Ануша.

– Не превращайте мой рассказ в романтическую историю

¹⁵ Шах-Джахан – правитель империи Великих Моголов (1592–1666). Построил знаменитый мавзолей-мечеть Тадж-Махал в память о своей жене Мумтаз-Махал, где теперь покоятся тела обоих супругов.

любви. Она хотела получить достойного мужа. А что я тогда знал о браке? И как мог сделать ее счастливой со своим-то прошлым?

– Каким прошлым?

Ник глянул на Анушу. Она поняла по его лицу, в каком он настроении, и сжала губы. Помолчала, потом сказала, тщательно подбирая английские слова:

– Извините меня. Я забыла, что европейцы не любят личные вопросы.

Им предстоит ехать бок о бок много дней, скорее, даже недель. Глупо напускать на себя таинственность. Лучше ответить ей на все вопросы, раз и навсегда покончив с ними.

– У моих родителей был достойный брак, но без любви. Отец смертельно скучал и безумно злился, когда моя мать упорно желала... большего. Я толком и не знаю, как выглядят счастливые семьи.

Как коротко и просто прозвучали эти слова. Те годы были полны несчастья и разочарования не только для матери, но и для маленького Ника, тоскующего по любви обоих родителей, а те рвали друг друга на части. Но сейчас он уже не маленький мальчик и давно перестал ожидать от кого-то любви. Или в ней нуждаться.

– Ох, – вырвалось у Ануши.

Какое-то время они ехали молча. Потом она спросила:

– Значит, у вас сейчас много любовниц? Пока вы снова не женитесь?

– Мы не должны обсуждать подобные темы.

Она озадаченно посмотрела на него, привыкшая к совершенно иному отношению к браку и плотским утехам.

– Не вижу причин жениться еще раз. И хотя я отнюдь не монах, у меня не бывает больше одной любовницы одновременно, в данное время нет вообще никого.

– А у вас была любовница, когда вы были женаты?

– Ануша...

– И не надо этого тона. Я просто хочу понять.

– Нет, не было. Хотя у других женатых мужчин они бывают. Но я не считаю это правильным.

Правда, его принципы серьезно поколебались после пары недель истерик Миранды. Несмотря на все его старания быть осторожным и нежным, она все равно считала секс грубым и неприятным занятием, необходимым исключительно для продолжения рода. Это было слишком очевидно, когда она забеременела и получила законную причину ему отказывать. Привычное ощущение вины затопило его и душа заныла, следовало держать себя в руках и не прикасаться к ней, пока она не привыкнет к индийскому климату, больше общаться с ней, а не зачинать ребенка.

И до Миранды, и после, женщины в его объятиях всегда заверяли, что он доставляет им истинное наслаждение. Похоже, он неплохой любовник, но как муж никуда не годится.

– Извините, если я не должна была об этом спрашивать. Спасибо, что объяснили, – по-английски произнесла Ануша

без особого раскаяния в голосе.

– Это не важно.

Она вела себя требовательно, почти бесцеремонно, и это задевало и удивляло Ника. Кроме того, она его отвлекала, переносила в прошлое, а это действительно опасно.

По телу вдруг побежали мурашки. Ник привык прислушиваться к своим инстинктам и развернул Павана. Несмотря на высохшую землю, трава под ногами по-прежнему была высокой и сочной. Легкий ветерок разметал их следы, и никому уже не определить, сколько лошадей здесь прошло.

Ануша повернула вслед за ним.

– За нами никого нет, – произнесла она. – Ведь правда?

Но тревожное чувство его не покидало. Ник поднялся на стременах и прикрыл рукой глаза от солнца.

– Есть. Видите?

Глава 5

– Нам негде укрыться. С тремя-то лошадьми. – Ануша гордилась своим спокойным тоном. Преследователей она не видела, но раз Ник так говорит, значит, так и есть. Она высвободила кинжал, что был у нее на поясе.

– Делайте точно как я, – приказал Ник и повернул к большой земляной выемке, где когда-то дожди образовали целое озерцо, а потом грязь ссохлась и запеклась на солнце. Посреди ямы он спрыгнул на землю, снял с гнедого связанные одеяла и перекинул через седло Павана. – Оставайтесь здесь.

Вскочил на гнедого и поскакал по засохшей грязи. Добравшись до почвы помягче, Ник сразу прищипорил коня и пустился в галоп. Потом с силой стеганул гнедого по боку и скатился на землю, а конь на огромной скорости умчался прочь.

– Возьмите Павана. – Он вернулся и бросил Ануше поводья. – И медленно поезжайте к тому кустарнику.

Озадаченная, девушка послушалась, хотя сердце неприятно стучало где-то в горле. За ней задом наперед двинулся Ник, замечая следы сорванной где-то веткой. Добравшись до кустов, она осознала, что хотя они и растут на небольшой возвышенности, но слишком редкие и низкие, чтобы скрыть даже осла, не говоря уже о двух лошадях.

– Вы собираетесь стрелять в лошадей? – Она соскользну-

ла на землю, а Ник, пятясь, вышел к ней из-за колючего кустарника.

– В этом нет необходимости.

Он снял с коней седла и по-особому свистнул – две чистые ноты. Лошади, как по команде, подогнули ноги и опустились на землю. Потом улеглись на бок и вытянули шеи.

– Ложитесь с ними.

Ануша улеглась под выступающим животом Павана, Ник накрыл обоих животных серо-коричневыми одеялами, прислонил мушкеты к боку Раджата и стал проверять пистолеты. Разложил ружья, боеприпасы и саблю, достал из сапога свой кинжал и глянул на девушку.

– Это армейские лошади, – пояснил он и задержал взгляд на ее руке. – Что это у вас, черт подери?

– Нож, разумеется.

У нее был еще один, в сапоге, на случай крайней необходимости, если понадобится кого-то убить. Или покончить с собой. Ее накрыло мрачное возбуждение, силой не уступающее страху. Она хотела причинить боль тем, кто напал на Калатвах, на ее родных, ее королевство. Впервые она поняла, что заставляло тех воинов биться до смерти, осознала силу духа вдов, которые предпочитали сжигающее пламя пленению и позору.

– Он вам не понадобится.

– Но ведь будет битва, сражение.

Она уже слышала приближающийся стук копыт.

Приспешники махараджи наступали им на пятки.

– Не будет, если я где-нибудь не оплошаю. – Ник присыпал пылью блестящие дула мушкетов. – По моему замыслу, они проедут мимо, обнаружат гнедого и решат, что это уловка, чтобы сбить их со следа.

– Но нам надо убить их!

– Маленькая кровожадная бестия, – пробормотал Ник. Ануша почувствовала в его голосе смех. Ему это кажется забавным, очень странное чувство юмора. – Если они не вернутся, махараджа поймет, что они нашли нас, и вышлет подкрепление. А если они вернутся ни с чем, он решит, что мы поехали другой дорогой.

– О, какая стратегия!

– Тактика, если быть точным. А теперь тишина!

Всадников было восемь. Они промчались галопом мимо и растворились вдали. Ануша выдохнула и придвинулась поближе к Нику.

Время тянулось невыносимо медленно. У нее стала затекать левая нога.

– Они ушли.

– Подождите.

Едва Ник произнес это, как она услышала топот возвращающихся всадников. На сей раз они двигались медленнее, и с ними был гнедой на длинном поводке. Они проехали мимо, и наступила тишина, которую нарушало лишь жужжание насекомых да урчание в животе Раджата у нее под ухом. Вы-

соко в небе кричали ястребы.

— Оставайтесь на месте. — Ник стал потихоньку высвобождаться. — И можете отпустить мой сюртук.

— Ох! — Ануша с трудом расслабила судорожно сжатые пальцы. — Я и не заметила.

Но Ник уже двигался вперед, держа в каждой руке по мушкету и с пистолетом за поясом. Пригибаясь, он перебегал от одного куста к другому, стараясь остаться незамеченным.

Казалось, это все равно что следить за призраком, отведи она взгляд, и он исчезнет. Только она моргнула, а он уже спрятался в высокой траве. Но, несмотря на прикрытие больших животных, Ануша все равно чувствовала себя очень уязвимой и одинокой. Открытой перед всеми, совершенно незащищенной. До этого момента даже не осознавала, как сильно ее вдохновляло присутствие Ника. Яростное мужское присутствие, сообщавшее чувство безопасности.

Что делать, если послышатся выстрелы? Ануша рассмотрела оставленное Ником оружие. Мушкет, пистолет, сумка с боеприпасами, сабля. Уже нет времени учиться заряжать, но она может подносить оружие. Да, так будет лучше всего. Только подчинятся ли ей лошади?

Чьи-то пальцы крепко схватили ее за лодыжку.

Ануша резко извернулась с кинжалом в руке, а другую, скрючив пальцы, выбросила вперед.

Ник, смеясь, выпустил ее ногу и откатился в сторону.

Смех погасил ярость и помог сбросить давно сдерживаемое напряжение. Ануша бросила кинжал и засмеялась над ним, желая в отместку хотя бы уязвить его гордость.

Но в следующий момент уже лежала распластанная на спине с пригвожденными над головой руками и чувствовала на себе всю тяжесть его немаленького тела. Ник все смеялся.

– Маленькая бестия. Я был прав.

– Вы... – У нее не хватало ни слов, ни дыхания ему ответить. – Отпустите меня.

Непостижимо долгую минуту он пристально смотрел ей в глаза, его взгляд словно потемнел. Смех оборвался. На мгновение ей даже показалось, что он перестал дышать.

– Это неприлично, – удалось выговорить девушке, пока ее разум приспособливался к новым ощущениям: к ее мягкой плоти прижималось твердое мужское тело. И ей понравились эти ощущения. Все.

– Верно, неприлично.

Ник скатился с нее и одним плавным движением поднялся на ноги. «Он податлив, как молодой саженец», – сказала когда-то Парави. Анушу окатило волной жара.

– Простите, не смог удержаться. Вы напоминали рвущуюся с поводка собаку.

– Я прислушивалась к возможным выстрелам, – как могла, с достоинством ответила Ануша, несмотря на двусмысленное положение, в котором оказалась, и переполненность чувством, которое, к ее ужасу, очень напоминало плотское

желание. – Они ушли?

– Да. Без сомнения, сочли, что только полный идиот отправится в столь дикие места, имея лишь двух лошадей и одну принцессу.

Он явно издевался.

– Значит, вы действительно идиот?

Ник протянул ей руку и помог подняться.

– Нет, но тем не менее поступлю именно таким образом – отправлюсь в дикие места с двумя лошадьми и принцессой.

Он стянул с лошадей скатанные одеяла и, свистнув, заставил животных подняться. Те встряхнулись от пыли, как собаки.

– Мы проедем еще около лиги, и когда окажемся вне пределов досягаемости, я подстрелю нам что-нибудь на обед, тем самым опустошив мушкеты. Мы поедем, немного отдохнем, и я покажу вам, как надо заряжать. – Он поднял одно из ружей и с усмешкой посмотрел на нее. – Правда, подозреваю, для этого вам придется на что-нибудь встать, мисс Лоуренс.

– Не называйте меня так.

Он относился к ней без всякого почтения, но с английской официальностью звал по имени, которое она отвергала. Это невыносимо.

– А как тогда? Ануша?

– Ануша, – осторожно согласилась она и добавила: – Ник.

Они вновь оседлали коней и безмолвно продолжили путь, хотя теперь молчание уже не так тяготило.

Проехали еще две лиги, Ник остановился. Оставил Анушу с лошадьми, а сам с оружием осторожно направился в ближайший кустарник.

– Утоли жажду и забирайся в тенок, – велел он наконец.

– Слушаюсь, майор, – пробормотала она в ответ, повинувшись.

Прозвучали четыре выстрела, Ник вернулся с добычей – зайцем и рябчиком. Ануша знала, что для охоты с мушкетом это вполне хорошая добыча.

Ник устроился рядом в маленьком клочке тени и потянулся за флягой. Ануша смотрела, как он пьет, вода двумя струйками стекала по небритому подбородку, а когда он глотал, было видно, как вздергивается кадык.

– Ты воин, тебя забрали со службы, – сказала она, когда он опустил флягу и вытер губы тыльной стороной руки. – Почему за мной не послали представителя Компании?

– Могло случиться нечто такое, что случилось. К тому же я в определенном смысле представитель-посредник. Исполняю роль связующего звена между армией и королевским двором, когда того требуют нужды Компании.

Вот почему он так отлично говорит на хинди.

– Но ведь это поручение моего отца, а не Компании.

– Когда дело касается твоего перемещения в Калькутту, их интересы совпадают, – сухо ответил Ник. – Кроме того, твой отец занимает такое почетное положение, что, пожелай

он отослать меня по сугубо личному делу, никто бы не стал возражать.

«Сэр Джордж мне как отец», – обмолвился он, тогда в его голосе звучали глубоко скрытые чувства. Слова, впрочем, казались довольно загадочными.

И вот сейчас, глядя на его расслабленную широкоплечую фигуру, она внезапно подумала о единственно возможной разгадке, и ее словно ударило чувство, отдаленно напоминающее ревность.

– Ты сын моего отца? – резко спросила Ануша.

– Конечно нет! – Ник, нахмурившись, глянул на нее. – Как тебе такое пришло в голову?

– Ты на него похож, и ты сам сказал, что он тебе как отец.

Она почувствовала себя идиоткой. Но подозрительной идиоткой.

– Я не похож на него. Мы с ним одинакового роста и сложения, но глаза у меня зеленые, а у него серые, как у тебя. У него нос с горбинкой, мой прямой. И волосы у меня более светлые.

Отчего это облегчение? Будь он ее единокровным братом, нечего опасаться его как мужчины. И своих необузданных желаний – тоже.

– Иначе говоря, если ты испытываешь к нему столь сильные чувства, значит, твой настоящий отец мертв?

– Нет, он живет в Англии. Я не видел его уже двенадцать лет. С тех пор, как он отослал меня в Компанию на долж-

ность писаря в семнадцатилетнем возрасте.

– Простого клерка? Но это очень скромная должность для джентльмена.

Она, разумеется, не стала бы ревновать, окажись Ник ее братом. Это мелочно, ведь она не питает к отцу никаких нежных чувств. Да одари он ее целым выводком сестер и братьев по всей Калькутте, ее волновало бы только одно: столь же ужасно, как с ней и ее матерью, он обращался с ними? Ей не хотелось думать об отце. Зачем? Они оба не желают иметь друг с другом ничего общего. Стоило бы забыть его, но застарелая боль не позволяла. Душевная рана вечно ныла, обнажая ее слабость.

– Должность писаря – первая ступенька карьерной лестницы, – объяснил Ник. Казалось, он ушел в себя и не замечает глупых эмоций, отразившихся на ее лице. – Усердно работая и с толикой удачи он быстро заработает повышение и не останется бедняком. Если сохранит себе жизнь.

– Тогда ты, наверное, был рад такой возможности.

Ник нахмурился, как от неприятных воспоминаний.

– Рад? Нет, я был в ужасе. И отказался от предложения отца. Не имел я карьерных амбиций. Не хотел заниматься торговлей и покидать Англию. И что еще хуже, я сам не понимал, чем хочу заниматься. Тогда он избил меня и лишил пособия, когда же и это не сработало, насильно доставил на корабль, отправлявшийся в Индию. По пути я подхватил лихорадку и чуть не умер. Но Мэри – леди Лоуренс – спасла

меня. Она притащила меня к своему мужу, как полудохлую крысу, и он принял меня в свой дом.

Ануша напряженно застыла. Леди Лоуренс – жена отца, женщина, на которой он женился до того, как приехал в Индию, и которая отказалась поехать с ним. А затем, спустя пятнадцать лет, решила, что обязана находиться рядом с мужем. Отец, вместо того чтобы приказать жене оставаться в Англии, как сделал бы любой обиженный муж, позволил ей прибыть в Индию и отказал от дома матери Ануши, Сарасе, и отослал ее к брату-радже.

Своевольная жена-ослушница, не способная родить ему детей, получила все, а верная женщина, которая была и ему другом, и матерью его дочери, все потеряла.

Ануша до сих пор ярко помнила события того дня. Когда мать сказала, что им придется уехать, Ануша не поверила, несмотря на слезы и приготовления к отъезду. Английское судно прибыло рано утром, и они еще находились в доме, когда леди Лоуренс появилась на пороге со всем своим багажом и толпой родственников сэра Джорджа. Сараса закрылась в женской половине дома и приказала слугам немедленно погрузить вещи на выючных животных. Не хотела ждать, пока незваная гостя выставит ее из родного дома.

Но ничего не понимавшая Ануша выбежала на улицу и стала протискиваться к отцу, лавируя между снующими слугами и носильщиками с тележками. Запнувшись на ступеньках веранды, она услышала голоса отца и какой-то незнако-

мой женщины, говорившей по-английски. И она осознала, что мама права, к отцу приехала жена, совсем ему посторонняя, а они с матерью ему больше не нужны.

Боль ослепила ее. Глотая слезы, Ануша обернулась и нагнулась на носилки, уложенные на стулья в тенистом уголке веранды. На них лежала какая-то неподвижная фигура.

Девушка широко раскрытыми глазами уставилась на Ника.

– Я помню тебя! Я видела, как ты лежал на веранде. Ты был ужасно худым и бледным, и я подумала, ты мертв. Ты был совсем белый, а волосы как солома.

– Я тоже думал, что уже умер, – ответил Ник с кривой улыбкой, то ли от черного юмора, то ли от воспоминаний о боли. – Но Джордж и Мэри спасли мне жизнь и дали будущее.

– Ты был им куда интереснее, ведь ты мальчик, пусть и не единокровный сын, не то что какая-то девчонка. – Ануша прикусила губу, услышав в своем голосе предательскую горечь. Она не хотела открывать, что это ее вообще заботит.

– Думаешь, я стал заменой тебе? – Ник поднялся и стал связывать лапы рябчика. – Нет. Вначале их внимание действительно было сосредоточено на мне, но лишь по причине болезни. Они за меня волновались и постепенно вновь сблизились. А потом, когда я спутал докторам все карты и выжил, Джордж постепенно стал проявлять ко мне симпатию и принял участие в моей карьере. Тем не менее на первом месте

для него всегда была ты, Ануша.

Словно не услышав ее насмешливого фыркания, он затянул узлы и перекинул безвольные тушки через луку седла. За какую же дуру он ее принимает, полагая, что она в это поверит. Если бы она для отца что-то значила, он бы не отказал ей от дома. И сейчас послал за ней лишь потому, что она стала разменной монетой в политической игре.

– Для Мэри я был почти сыном, это верно. Ее ребенок умер при рождении, и она больше не могла иметь детей.

– Значит, поэтому отец столько лет держал ее в Англии? Почему же он не завел другую жену, если эта не могла родить ему сыновей?

– Потому что в Англии это незаконно. Сначала надо получить развод, а это ужасно долгая и трудная процедура.

– Тогда почему он не привез ее с собой в Индию? – настаивала Ануша. Она твердо решила докопаться до сути.

– Они... отдалились после смерти ребенка. Доктора сказали, что у нее никогда больше не будет детей. Она не могла поехать с ним в Индию, поэтому он обеспечил ее материально и оставил в Англии. – Ник одним махом вскочил в седло и выжидательно посмотрел на Анушу. Та молча смотрела на него и хмурилась. – Они часто переписывались, и с годами их отношения наладились. Потом она получила от его секретаря письмо, в котором сообщалось, что сэр Джордж тяжело болен. И решила, что ее обязанность быть рядом с мужем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.